

5

НОРМАН П. БЕРРИ

АВСТРИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ШКОЛА: РАСХОЖДЕНИЯ С ОРТОДОКСИЕЙ*

5.1. Введение

Интерес, вызываемый сегодня австрийской экономической школой, является весьма примечательным феноменом. За период, прошедший со Второй мировой войны до середины 1970-х гг., все достойные внимания находки этой школы (например, доводы в пользу важности рынка, теория субъективной ценности и теория капитала) были «освоены» основным течением экономической мысли. Наиболее *отличительные* черты этого учения «похоронены» в книгах, ставших достоянием истории экономической мысли. Подобная точка зрения, ставящая под сомнение все претензии австрийских теоретиков на оригинальность, разделяется в том числе таким выдающимся авторитетом, как Милтон Фридмен. Он заявил однажды, что «нет никакой австрийской экономической теории, а экономическая наука делится на хорошую и плохую» (см. Dolan, 1976 : 4).

В последующем изложении я попытаюсь показать, что австрийская школа обладает рядом весьма характерных особенностей, дающих право рассматривать это направление в качестве альтернативной «парадигмы» по отношению к «остальной» неоклассической ортодоксии или по меньшей мере в качестве соперничающей исследовательской программы. При этом я не собираюсь уделять чрезмерного внимания апологии капитализма, благодаря которой в основном австрийская школа и прославилась среди неспециалистов. Скорее, мне бы хотелось выделить те элементы этого учения, которые обладают подлинной значимостью. Тем не менее нельзя отрицать, что эти элементы нагляднее всего проявляются именно в области экономической политики, где голос австрийской школы особенно громок. Главным образом это относится к проблеме денег, интерпретации дело-

* Этот очерк был написан, когда автор стажировался в Центре социальной философии и политики при Государственном университете Грина, Огайо, США.

вых циклов и экономико-философской критике централизованной плановой экономики. Кроме этого, необходимо прояснить одно важное обстоятельство. Дело в том, что австрийские исследователи при объяснении экономических феноменов хранили безоговорочную верность доктрине *Wertfreiheit* (свободы от ценностных суждений) и исповедовали несомненный позитивизм в своих подходах. Вопрос заключается в том, каким образом они сочетали подобную идеологию с приверженностью ценностным суждениям вообще и в частности с приверженностью точке зрения на общественное благосостояние, согласно которой именно рынки, более или менее свободные, обеспечивают максимизацию благополучия людей с большим успехом, чем все остальные экономические системы. При этом следует подчеркнуть, что возражения австрийской школы по поводу многих видов государственной политики, таких как регулирование арендной платы, ограничения свободы международной торговли, искусственное поддержание цен и т. д., не являются сугубо оригинальными и обнаруживаются в философии экономических школ, существенно отличающихся по своим основам от австрийской (в особенности здесь можно выделить чикагскую школу).

Хотя истоки австрийской экономической теории¹ следует искать в Венском университете второй половины прошлого века, в период интеллектуального расцвета империи Габсбургов, выражение «австрийская школа» сегодня почти утратило определенный географический смысл. Творцы австрийской версии маржиналистской революции Карл Менгер (1840–1921), Фридрих фон Визер (1851–1926) и Евгений фон Бём-Баверк (1851–1914) передали эстафету авторам (в особенности Людвигу фон Мизесу (1882–1973) и Фридриху фон Хайеку (1899–1992)), которые приобрели широкую известность в Англии и Соединенных Штатах. Именно пребывание Мизеса в Нью-Йорке положило начало возникновению «американского» поколения экономистов австрийской школы (в особенности это касается Израэля Кирцнера и Мюррея Ротбарда), которые продолжали развивать и уточнять оригинальную парадигму. Лишь силою обстоятельств, вероятно, нелепых и печальных, «изгнание» австрийской школы привело к тому, что это учение стало ассоциироваться исключительно с фанатичной приверженностью доктрине *laissez-faire*, а вовсе не с созданием подлинной экономической теории.

Можно только пожалеть об этом, поскольку работы экономистов «второго поколения» австрийской школы, в основном Мизеса и Хай-

¹ Хорошим кратким введением в австрийское учение могут служить книги Долана (Dolan, 1976), Спадаро (Spadaro, 1978), Рики (Reekie, 1984), Шенда (Shand, 1984) и Литлчайлда (Littlechild, 1986). См. также двухтомный труд представителя австрийской экономической школы Ротбарда (Rothbard, 1962), посвященный вопросам экономической теории и методологии.

ека (хотя к ним же должен быть причислен немецкий «австриец» Людвиг Лахманн), содержали множество теоретических компонентов, которые были только намечены Менгером и его непосредственными учениками. Речь идет о развитии принципа субъективизма применительно ко всем аспектам рыночного процесса, о прояснении роли предпринимателя на рынке и тщательной ревизии методологии экономической теории в свете последних достижений философии социальных наук. В целом эти исследования представляют собой резкий отход от господствующей в прошлом ортодоксии с ее верой в «объективное» по своей сути экономическое знание, такое же точное и количественно определенное, как в естественных науках, с ее упором на точный прогноз как на основную цель и с ее стремлением формализовать и математизировать экономические явления. В противоположность этому австрийская школа рассматривала *человеческое действие* в мире неизвестности и неопределенности как главный объект экономического исследования. Она рассматривала человека, чей субъективный и непредсказуемый выбор сопротивляется любым попыткам загнать себя в рамки *механистической* науки. Парадоксально, но и современная формализованная неоклассическая экономика, и австрийская традиция вышли из одного источника — маржиналистской революции 1870-х гг.

5.2. Карл Менгер и основы австрийской экономической школы

Маржиналистская революция 70-х гг. прошлого века получила известность в истории экономической мысли главным образом благодаря опровержению преобладавшей в ту пору теории ценности, основанной на производственных издержках (обычно определяемых посредством объективных показателей трудозатрат). Кроме того, именно в результате этой революции произошла замена старой теории совершенно новой концепцией, согласно которой цена зависит от субъективных индивидуальных выборов, выраженных в предельных величинах. Под воздействием работ Джевонса, Вальраса и Менгера внимание было перенесено с долгосрочных исторических факторов в сфере производства, задающих направление экономического развития (на которые делался упор в классической политэкономии), на разработку системы законов, определяющих, каким образом данные ресурсы распределяются для удовлетворения потребностей атомизированных и анонимных агентов. *Спрос* стал ключом к ценообразованию. Таким образом, микроэкономика стала полем исследований для экономистов. В двух своих главных работах («Основания учения о народном хозяйстве», опубликованной в 1871 г. и «Исследования о методе социальных наук», опубликованной в 1883 г.) Мен-

гер разработал австрийскую версию маржинализма и выдвинул несколько важных положений, составивших суть различий между данной версией и разработками других маржиналистов, в первую очередь Вальраса. В этих работах Менгер (Menger, 1950, 1963) заложил фундамент экономики как науки, независимой от исторических обстоятельств и индуктивного обобщения, объяснил появление известных экономических институтов, таких как рынок, стремящийся к равновесию, и деньги. В обоих исследованиях обосновывалось использование методологического индивидуализма и выдвигалась доктрина, согласно которой сложные общественные явления могут быть адекватно поняты как логическое следствие действий, субъективного восприятия и психологических установок отдельных индивидов. В этих работах содержался также субъективизм, подразумевавший неоклассическую трактовку цены как величины, зависящей от спроса в условиях редкости ресурсов.

Менгер описывал рыночную экономику в категориях строгих законов. Речь шла об обобщенных правилах экономического поведения, которые рассматривались как абсолютно независимые от времени и обстоятельств и существование которых отрицалось главным антагонистом Менгера — немецкой исторической школой, представленной в первую очередь Густавом Шмоллером. Примерами подобных законов Менгер считал закон убывающей предельной полезности (из которого выводился закон спроса), рикардовский закон ренты и другие. Однако для Менгера эти законы не обладали предсказательной силой в количественном смысле. Отсутствие совершенной информации у экономических агентов, а также вероятность того, что не все действия людей подчинены меркантильным побуждениям, делают невозможным для внешнего наблюдателя точное предсказание поведения. Эти законы составляют суть именно *экономического* действия как противоположного другим видам человеческой активности и придают конкретную форму (согласно содержательному определению, позднее данному Лайонелом Роббинсом) «потребностям, которым подчинены человеческие поступки».² Это внеисторическое видение Менгера и его убежденность в существовании инвариантных законов экономической жизни, пусть даже несколько отличных от законов физики, были важной частью наследия австрийской школы.

Однако еще более замечательным достижением Менгера было, вероятно, подробное рассмотрение тех социальных феноменов, которые возникли как средство осуществления намерений и целей лю-

² Роббинс (Robbins, 1935) поддержал методологию австрийской школы, хотя современные австрийские теоретики скептически воспринимают его трактовку «деятельности, связанной с рациональным использованием ресурсов» как близкую к неоклассической ортодоксии.

дей и при этом не были продуктом предварительного расчета: он называл их органическими (в сегодняшней терминологии — спонтанными), противопоставляя их тем явлениям, которые являются результатом намерения или соглашения. В «Исследованиях о методе социальных наук» он писал:

Язык, религия, даже само государство, а также, если говорить о некоторых экономических и социальных явлениях, различные проявления рыночной системы, конкуренция, деньги и множество других социальных образований уже существовали в те исторические эпохи, когда бессмысленно было бы говорить о преднамеренных действиях общества, направленных на их установление.

(Menger, 1963 : 146)

Наилучшим примером спонтанного возникновения социального феномена являются деньги. Хотя в своих работах по денежной теории Менгер весьма настойчиво старался доказать, что обеспечение таким товаром, как деньги, не должно находиться в руках государства, да и в дальнейшем теоретики-австрийцы подчеркивали пагубные последствия, проистекающие из притязаний государства на данный вид монополии, эти исследования интересны главным образом в другом отношении. Значение данного примера с теоретической точки зрения состоит в том, что он является иллюстрацией каузального генетического метода. Этот метод предполагает *абстракцию* и гипотетическую реконструкцию. Это значит, что мы должны мысленно проследить, шаг за шагом, каким образом индивидуальные взаимодействия приводят к возникновению рассматриваемого феномена. Каузальный генетический метод контрастирует с «функциональным» методом, использованным Вальрасом (Walras, 1954) при объяснении рыночного равновесия. Менгер и другие теоретики-австрийцы понимали это явление как *процесс*, благодаря которому распыленная информация постепенно интегрируется посредством координирующего воздействия цен, в то время как Вальрас пытался выразить существование равновесия в математических понятиях. Оба подхода используют одни и те же «строгие» законы микроэкономики, но в различных целях.

Непосредственные ученики Менгера, Бём-Баверк и фон Визер, больше интересовались приложением полученной маржиналистской базы ко всем аспектам производства и распределения в теории аллокирующего механизма рынка, чем развитием несколько туманных идей, касающихся рыночного процесса. Бём-Баверк (Böhm-Bawerk, 1959), тем не менее, внес существенный вклад в экономическую теорию своими работами по теории капитала, объяснением существования процента на основе роли времени в производственном процессе, а также своими исследованиями «окольных» методов производства (результаты которых впоследствии были использованы Хайеком в

его концепции деловых циклов). Кроме того, следует признать важность резкой критики Бёмом-Баверком социализма вообще и марксизма в частности (Böhm-Bawerk, 1975).³ Визер (Wieser, 1893) был первым из австрийских теоретиков, подробно изложившим теорию альтернативных издержек, позднее интегрированную в основательно разработанное учение о субъективных издержках. Однако работы этих авторов вовсе не стояли в стороне от бурного развития неоклассического направления в те годы. Кроме того, было бы ошибкой ассоциировать австрийских теоретиков с бескомпромиссной апологией *неограниченного* капитализма. Особенно некорректно делать это в отношении Визера, который исповедовал философию умеренного государственно-го вмешательства.

Именно второе поколение теоретиков австрийской школы, представленное Мизесом, Хайеком и их непосредственными учениками, разработало ту версию австрийской школы, которая столь ярко выделялась на общем фоне экономической ортодоксии; именно так возникла экономическая теория, которая не только не была продолжением «неоклассики», но оказалась ее радикальной альтернативой. Эта альтернатива включала множество весьма характерных для традиций австрийской школы направлений исследования. Речь идет о разработках в таких областях, как методология экономической науки, субъективизм, равновесие и рыночный процесс, предпринимательство, теория денег и экономических диспропорций.

5.3. Методология

Было бы ошибочным утверждать, что существует методологическая доктрина, которой все приверженцы австрийской школы выказывали бы безоговорочную преданность. Несмотря на хорошо известное неприятие позитивизма, у каждого австрийского теоретика имелись собственные основания для подобного отношения. В качестве примера радикальной позиции можно упомянуть воззрения Мизеса, который в своих изысканиях непреклонно придерживался своеобразного априоризма. Согласно подобному подходу, все известные законы должны выводиться из неких несомненных предположений относительно человеческой психологии, не требующих проверки.⁴

³ См. важный очерк «Управление или экономический закон» (Böhm-Bawerk, 1962).

⁴ Имеется несколько вариантов изложения его бескомпромиссных и часто догматически выраженных идей. В особенности см. Mises (1962). Полное же изложение его философских, политических и экономических взглядов содержится в его главном произведении «Human Action» (Mises, 1966).

Так, из предположений, что *действия* человека направлены на достижение состояния благополучия, что он ранжирует свои предпочтения и что редкость благ является их общим свойством, мы можем, например, вывести закон убывания предельной полезности и отсюда получить необходимые составляющие теории цен, не упоминая при этом принципа насыщения потребностей или любого другого психологического положения. Подобные законы не обладают предсказательной силой и не могут быть эмпирически опровергнуты: например, если человек предпочитает иметь большее количество данного блага по более высокой цене, мы не будем утверждать, что закон спроса опровергнут, мы просто скажем, что этот человек ведет себя «неэкономично» в традиционном смысле слова. Таким образом, хотя исходный экономический закон в данном случае «неприложим», трактовка данного действия сама по себе не подлежит сомнению. Цель экономической теории — не прогноз, а «понимание» (*Verstehen*). Под этим подразумевается, что при помощи неких организующих принципов мы придаем определенный смысл тому, что само по себе является массой разрозненных фактов. Такие факты, будучи производными от непредсказуемых человеческих поступков, не проявляют никакой очевидной «повторяемости» (например, не существует *постоянных* эластичностей спроса) в том смысле, в каком это можно сказать о «фактах» в области физики. Отсюда следует, что «истина» в экономической теории должна обосновываться посредством корректных выводов из *истинных* предпосылок. Применимы ли данные истинные утверждения к конкретной ситуации или нет — это предмет исторического исследования. Этот подход весьма отличается от позитивизма чикагской школы. В традициях последней принято обосновывать истинность своих теорий через эмпирическую проверку. Достоверность выдвинутых гипотез не имеет *непосредственного* значения. Важно лишь, чтобы предлагаемая теория могла быть проверена при помощи эмпирических данных.⁵

Большинство комментаторов признает радикальный априоризм Мизеса неприемлемым. Согласно Марку Блаугу (Blaug, 1980 : 93), данную позицию следует назвать «экстравагантной». Однако в действительности воззрения, подобные мизесовским, вовсе не являются общей особенностью подхода австрийской школы к проблеме методологии. Тем не менее многие представители этого учения прибегают в своих теоретических работах к вербальным дедуктивным построениям (особенно когда речь идет о теории денег и экономического цикла). Теория в данном случае является попыткой сделать мир «понятным»

⁵ См. известный очерк Фридмена «Методология позитивной экономической науки» (Friedman, 1953). Несмотря на методологические различия, Фридмен и большинство австрийских теоретиков разделяют позитивистский подход в отношении ценностей.

посредством некоторых объяснительных конструкций. Речь идет о таких моментах учения «австрийцев», как принцип субъективизма, идея *каталлактики* (экономики, основанной на обмене), а также выделение роли предпринимательства как координирующей силы в мире неопределенности.

Хайек (Науек, 1948 : ch. II) утверждает, тем не менее, что в экономической теории имеется по крайней мере одно положение, которое можно подвергнуть проверке в духе ортодоксального попперовского подхода. Еще в 1937 году он утверждал, что рыночная система имеет тенденцию возвращаться в положение равновесия благодаря информации, которую несут цены. При этом он отличал «чистую логику выбора» от проявлений эмпирических закономерностей в реальном мире.

Тем не менее следует признать, что эмпирическое содержание экономической теории чрезвычайно невелико и в действительности совместимо с самым широким кругом экономических явлений. В своей более поздней работе Хайек хотя и признал, что экономическая теория обладает предсказательной силой, все же высказал мнение, согласно которому возможность предсказания распространяется скорее на паттерны или классы событий, чем на отдельные события.

Теория всегда будет иметь дело лишь с определенными видами (или классами) паттернов, и то, как проявит себя ожидаемый паттерн, будет зависеть от определенных обстоятельств (от первоначальных условий, которые мы будем трактовать как данные).

(Науек, 1967 : 24)

Сложность тех данных, с которыми приходится работать экономистам, невозможность точно определить переменные, воздействующие на человеческое поведение, — именно эти обстоятельства препятствуют созданию теории с богатым эмпирическим содержанием. Идея предсказания паттернов, хотя и не отличающаяся особой определенностью, играла существенную роль в воззрениях Хайека. Для него было важно показать, что в мире экономики присутствуют некоторые закономерности. Кроме того, не последнюю роль во взглядах австрийского автора играло неявно присутствующее в его концепции положение, что децентрализованная рыночная система координирует действия людей более эффективно, чем это делают прочие известные разновидности экономического устройства. Однако далеко не все теоретики субъективистского направления признают, что экономической науке под силу что-либо большее, чем объяснение изучаемой действительности. Причем двое из них, Людвиг Лахман и Дж. Л. С. Шекл (последний — в особенности), отрицают, что можно вообще с уверенностью осуществлять какие-либо виды предсказаний.

Какие бы острые баталии ни велись между теоретиками австрийской школы по поводу *фундаментальных основ* экономической тео-

рии, все приверженцы этого учения исповедуют принцип субъективизма. Однако даже это утверждение можно оспорить и подвергнуть специальному рассмотрению.

5.4. Субъективизм

В традиционной экономической теории субъективизм означает только то, что ценность экономических благ (т. е. цены, по которым товары обмениваются друг на друга) зависит в конечном счете от индивидуальных вкусов. Не существует никакой объективной ценности, о которой шла речь в рикардианской классической теории, господствовавшей до 1870-х гг.

Однако если известны вкусы и заданы технологические возможности, то аллокация ресурсов, требуемых для производства оптимального набора благ, может быть рассчитана математическими методами. Экономическая наука, использующая известное неоклассическое понятие рациональности, стала, согласно известному определению Роббинса, дисциплиной, объясняющей аллокацию редких ресурсов между конкурирующими видами использования, чем-то вроде упражнения в чистой логике выбора.

Австрийская школа распространяет принцип субъективизма на все виды экономической деятельности.⁶ По мнению австрийцев, было бы искажением экономической действительности утверждать, что нечто (например, издержки производства) заранее *задано*. В мире неопределенности и непостоянства необходимые «факты» должны быть добыты действующими индивидами, вовлеченными в непрерывный поиск информации, которая помогла бы им улучшить собственное положение. Рациональность в таком случае означает не только расчет средств. Она предполагает как выбор самих целей, так и поиск в процессе обучения необходимых для их достижения средств. Далее, поскольку все поступки совершаются во времени, а будущее в значительной (если не в полной) мере скрыто от нас, идея существования совершенной аллокации ресурсов является не более чем фикцией. Для Мизеса все человеческие поступки рациональны. В его терминах это означает, что человек скорее стремится избежать некоего «обременительного» положения, чем просто реагирует на внешние обстоятельства. Эта особенность человеческого поведения совершенно не учитывается в неоклассической модели экономической действительности, и именно поэтому ортодоксия несостоятельна в объяснении реальной, заведомо несовершенной, рыночной экономики. Вместе с

⁶ Именно это заставляет австрийских теоретиков усомниться в целесообразности попыток формализации экономических явлений; см. Mises (1966 : chs 15, 16) и Hayek (1948 : ch. II).

тем неоклассическая модель прекрасно приспособлена для теоретического описания совершенного рынка.

Из нашего обсуждения явствует, какое большое значение австрийские теоретики придавали *ментальным* аспектам экономического поведения. Это значит, что то, что называется экономической деятельностью, — это в первую очередь индивидуальные оценки состояния дел и выборы между альтернативными линиями поведения. Экономическая теория, пренебрегающая этим обстоятельством и занимающаяся исключительно теми объектами, которые могут быть представлены квантифицируемыми переменными, обречена на игнорирование некоторых фундаментальных особенностей рыночной экономики. Многие важные экономические явления не поддаются непосредственному наблюдению.

Изложенные выше соображения можно наглядно проиллюстрировать, обратившись к трактовке такого понятия, как издержки. Известно, что для микроэкономической теории обычным является рассмотрение издержек как ценности упущенной возможности использовать тот же самый ресурс иным образом. Так, если я потратил 100 долларов на телевизор, то мои издержки составят ту же самую сумму, которую я мог бы израсходовать на покупку стиральной машины. Таким образом, возникает искушение выражать издержки в объективированном виде — через денежные расходы. *Ex post* так оно и есть. Однако таким образом мы теряем истинную суть издержек, заключающуюся в их субъективной природе, поскольку их оценка предполагает частное по своему характеру суждение человека, делающего выбор. Издержки «выявляются» в момент решения, и, следовательно, их нельзя выразить в объективном количественном виде. Как указал Кирцнер (Kirzner, 1986 : 147), невозможность точного измерения и сравнения издержек полностью аналогична хорошо известной невозможности межличностного сравнения полезностей.

Это обсуждение могло бы показаться мелочным выискиванием изъянов в неоклассической модели, если бы не то обстоятельство, что теория рационального экономического планирования в значительной степени зависит от существования объективного метода сравнения издержек конкурирующих экономических проектов. Однако если исходить из приведенных выше соображений, издержки выявляются только при развертывании рыночного процесса, в действиях индивидов, принимающих решения. Можно ли утверждать в таком случае, что плановики имеют в своем распоряжении некие объективные данные (если только речь не идет об их собственных субъективных оценках, что явно не то, что имеет в виду первоначальная теория экономического планирования)?

Подобные же аргументы заставляют теоретиков австрийской школы относиться скептически, если не прямо негативно, к концепции «общественных» издержек. Речь идет об отрицательных внешних

эффектах, которые действия экономических агентов накладывают на общество. Невозможно отрицать, что в том или ином смысле это явление имеет место. Однако можно ли осмысленно толковать о жертвах, приносимых обществом, которое само по себе, строго говоря, не является действующим лицом? Как может быть принято «социальное» решение, например, по поводу выбора между чистой окружающей средой при невысоком объеме производства и противоположной ситуацией? Поскольку доктрина «оптимального уровня налогов на загрязнение окружающей среды» является непоследовательной в своей основе, позиция австрийской школы заключается в том, что подобные проблемы должны решаться в ходе индивидуальных переговоров в рамках системы специфицированных прав собственности (хотя, нужно признать, что австрийская школа ни внесла каких-либо теоретических новшеств в эту область).

Однако как бы убедительно австрийская школа ни встраивала субъективизм в экономическую науку, можно утверждать, что оказанное влияние не было конструктивным. Политическая экономия стремится обнаружить и объяснить некие закономерности, существование которых, до некоторой степени, очевидно в экономической жизни. В таком случае, подчеркивая роль неопределенности и непознаваемости, не ставим ли мы под сомнение возможность предсказания хотя бы тех «паттернов», о которых писал Хайек? Не отводим ли мы экономической науке достаточно жалкую роль, ограничиваясь задачей обеспечения «понятности» изучаемого мира? Более того, хотя Хайек и Мизес отвергали понятие агрегированной функции общественного благосостояния, поскольку оно представляет собой обычную ошибку объективизма, их работы изобилуют суждениями об общественном благосостоянии.

Чтобы ответить на эти и другие вопросы, следует обратиться к понятию равновесия, интерпретация которого весьма важна для правильного понимания учения австрийской школы.

5.5. Равновесие

Известно, что теоретики австрийской школы уделяли большое внимание проблеме неравновесия и невозможности совершенной координации действий в рыночной экономике. Они полагали, что предметом исследований экономистов должен быть непосредственный рыночный процесс. Тем не менее было бы несправедливо и ошибочно утверждать, что концепция равновесия была для представителей этого учения чем-то неведомым. Мизес говорит о «вечно повторяющейся себя экономике», о состоянии совершенного равновесия, когда при неизменных условиях постоянно воспроизводятся одни и те же блага. Это состояние он использовал в качестве полезного, хотя и фиктивно-

го, теоретического построения своеобразной системы отсчета, относительно которой мы можем проиллюстрировать цель действительного рыночного процесса, т. е. движение по направлению к подобной «нирване», пусть даже постоянно нарушаемое изменениями тех данных, с которыми приходится иметь дело участникам экономических взаимодействий. Несколько иным образом Хайек высказывался по поводу «динамического равновесия». Это состояние предполагает, что индивиды исходя из оценок будущего положения дел корректируют свои планы с целью достижения согласованной (эффективной) аллокации ресурсов. На практике Хайек использовал подобную модель в своей работе «Чистая теория капитала» (Науек, 1941), которая развивает теорию капитала Бёма-Баверка и, согласно названию, представляет собой упражнение в абстрактном теоретизировании по поводу экономических обстоятельств, не осложненных неведением, неопределенностью и потенциально дестабилизирующим влиянием денег.

Таким образом, Хайек в своих подходах не так уж далек от теоретических построений, рассматривающих экономические явления в духе доктрины общего равновесия. Этот тип теоретизирования существовал в экономической теории со времен Вальраса. Однако если традиция, берущая свое начало в трудах швейцарского экономиста, по большей части сосредоточивается на математических доказательствах существования равновесия, представителей австрийской школы больше заботит изучение факторов, создающих тенденцию к достижению равновесия. Этот подход контрастирует со взглядами такого современного исследователя равновесия, как Фрэнк Хан, который, признавая, что господствующий неоклассический подход не отражает действительности, тем не менее убежден в его разумности: «Тот, кто изучает общее равновесие, полагает, что имеет некую точку опоры, отталкиваясь от которой можно продвигаться по направлению к описательной теории» (Hahn, 1973 : 324). Методом изучения служит математическое представление всех составляющих экономической системы в виде функциональных зависимостей.

Однако в своей знаменитой статье 1937 г. «Экономика и знание» (Науек, 1948 : ch. II) Хайек доказывает, что причина нашего интереса к равновесию заключается в существовании определенного *эмпирического* явления: процесса движения к равновесию в мире распыленной и неполной информации. Если подходить к этому вопросу с точки зрения каузального генетического метода Менгера, то наша задача состоит в отслеживании тех механизмов, благодаря которым действия участников рыночного процесса приводят к результату (в нашем случае к самоуравновешивающемуся рынку), который не входил в намерение отдельных агентов. Интересно также, что Мизес доказывал наличие этой тенденции в обычной априорной манере. Она проистекает, утверждал он, из «действий промышленников, посредников и спекулянтов, стремящихся получить прибыль на разнице

в ценах...» (Mises, 1966 : 355). Хайек, однако, придерживался позиции, согласно которой вопрос о существовании этой тенденции относится к разряду эмпирических: «Именно утверждение, что подобная тенденция имеет место, превращает экономику из упражнения в чистой логике в эмпирическую науку» (Найек, 1948 : 44) (см. также Littlechild, 1983). Тем не менее он никогда не указывал конкретно, как именно это положение может быть опровергнуто. Приверженцы австрийской школы всегда утверждали, что любая неудача в координации экономической жизни вызывается экзогенными (вызванными правительственными действиями) помехами процессу движения к равновесию. Вне всяких сомнений, эта точка зрения крайне важна, поскольку у многих авторов, весьма симпатизирующих австрийской «экономической метафизике», имелись серьезные основания для сомнения в существовании тенденции к равновесию и они были настроены на полное изгнание этого понятия из экономической теории.

Независимо от данного осложнения Мизес и Хайек в один голос объясняли тенденцию к установлению равновесия конкурентным процессом (Найек, 1948). Концепция, предлагаемая этими авторами, отличается от идеи совершенной конкуренции, содержащейся в теории общего равновесия, поскольку последняя предполагает такое положение дел, при котором конкуренция уже прекратилась. Уже не существует возможностей дальнейшего совершенствования, цены точно отражают предельные издержки, и каждый фактор оплачен согласно его предельному продукту. Австрийская же школа имеет в виду «соперническую конкуренцию», при которой имеются неиспользованные возможности получения прибыли. Хан (Hahn, 1973 : 322) признавал: «у теории общего равновесия все хорошо с самим равновесием, но очень плохо с пониманием того, каким образом оно устанавливается». ⁷ Австрийцы полагают, что движение к равновесию (если оно вообще имеет место) является результатом непрерывного процесса конкуренции, в котором решающую роль играет предприниматель.

5.6. Предпринимательство

Движущей силой рыночного процесса является предпринимательство: понятие, которое до последнего времени влачило, так сказать, несколько призрачное существование в истории экономической мысли. Под словом «предприниматель» часто понимают нечто вроде «менеджера», которому платят деньги за услуги по управлению. Шумпетер (Schumpeter, 1939), однако, предпринял первое систематическое исследование, концентрируя внимание на *дестабилизирующей* роли предпринимательства: предприниматель — это агент, облада-

⁷ Критику Хана см. в работе: Barry, 1988.

ющий способностью к предвидению и нововведениям, которые позволяют ему нарушать существующее равновесие, оставляя после себя в кильватере «волны созидательного разрушения». Несмотря на обращение Шумпетера к творческой и инновационной деятельности человека, имеется значительное различие между этой концепцией и концепцией австрийской школы.

В работах Мизеса и Хайека «предпринимательство» воплощает ту составляющую предпринимательства, которая имеет отношение к рациональному использованию ресурсов и не учтена неоклассическим, формальным, подходом к рациональности. Доход предпринимателя не является оплатой фактора производства в самовоспроизводящейся равновесной системе, поскольку роль предпринимателя состоит в использовании возможностей получения прибыли (основанных на разнице в ценах), которые существуют в неравновесных ситуациях. И реализуются эти возможности при помощи мер, приводящих в действие процесс экономической координации. Таким образом, прибыль — не оплата фактора производства, а вознаграждение за правильное понимание того, как использовать существующие возможности. В этом состоит большое значение предпринимательства как универсальной категории человеческой деятельности, о какой бы группе участников рыночного процесса ни шла речь: потребителях, производителях или каких-либо еще действующих лицах экономической жизни. Хайек в серии важных послевоенных очерков (Науек, 1948) доказывал, что только благодаря предпринимательству (деятельности многократно осмеянного «среднего человека» или участника рынка) может быть скоординирована рассеянная информация, характерная для реальной экономики. В самом деле, один из важнейших аргументов против централизованно планируемой экономики состоит в том, что замена предпринимателя менеджером, получающим оклад, приведет к неэффективному использованию переменчивого и бесплотного экономического знания, т. е. все время меняющихся сведений о вкусах, производственных возможностях, издержках и т. д. Главным пунктом австрийской методологии является то, что большая часть наших знаний о состоянии дел в обществе является неявной. Находясь в распоряжении экономических агентов, она сокрыта от внешнего наблюдателя в закутках сложно организованных обществ и не поддается точному выражению.

В работах Израэля Кирцнера (Kirzner, 1973, 1979, 1989) эта концепция была изложена в наиболее сжатом виде. Данная интерпретация вызвала полемику среди приверженцев австрийской школы. Кирцнер использовал для описания этого явления понятие «чуткость» (alertness). Добивающийся успеха предприниматель демонстрирует чисто ментальное умение обнаруживать разницу между ценами факторов и продукта (прибыль). Далее можно провести весьма определенную границу между предпринимательством и владением собственно-

стью (хотя для некоторых агентов эти роли могут совпадать). В самом деле, деятельность предпринимателя (если рассуждать логически) вовсе не требует привлечения каких-либо ресурсов, она является в некотором смысле «беззатратной»: «предпринимательская прибыль является результатом обнаружения чего-либо, что можно получить даром» (Kirzner, 1973 : 144). Предпринимательство заключается в нахождении *ошибки* в прежней ситуации. Но без этого явления рыночный процесс не будет «подталкиваться» к состоянию равновесия, хотя все остальные особенности рынка делают эту искомую нирвану недостижимой. Именно процесс координации создает демаркационную линию между концепциями предпринимательства Кирцнера и Шумпетера. А если говорить более конкретно, то в работах последнего существенное значение имеет *раскоординирующая* роль предпринимателя.

Главный повод для критики теории Кирцнера состоит в том, что, несмотря на ее принадлежность австрийской школе, она описывает нечто почти «механическое» (см. High, 1982). Эта «чуткость» к разнице в ценах, которая неизбежно направляет процесс к равновесию, кажется простым арбитражем, и это позволяет воздать должное творчеству, воображению и оценке возможностей получения прибыли, которые, без сомнения, требуются для успешного существования на рынке. Если предпринимательство — это не требующая затрат ментальная деятельность, не значит ли это, что не может существовать никаких предпринимательских убытков (именно эту сторону дела подчеркивал Мизес)? Эти затруднения проистекают из того факта, что Кирцнер уделяет недостаточное внимание *неопределенности*. В его ранней работе «Конкуренция и предпринимательство» этот феномен едва заметно прослеживается.

В более поздних работах Кирцнер (Kirzner, 1979, 1989) выделил особое значение спекулятивной творческой деятельности на рынке. Он рассмотрел вопрос о том, какую роль при разворачивании рыночного процесса играет воображение экономических агентов. Здесь можно отметить различие между предвидимым (в сознании экономического агента) и свершившимся будущим. Признание этого факта заставляет ввести понятие творческого предпринимательства, которое есть нечто большее, чем простой арбитраж. Однако Кирцнер настаивает на том, что все это уже содержится в его концепции «чуткости» и что деятельность, связанная с нововведениями и открытиями, является частью процесса установления равновесия. Другими словами, имеется некоторое соответствие между предвидимым и осуществившимся будущим: это вопрос не благоприятной фортуны, а закономерностей человеческого поведения. Однако во все не очевидно, что как проявления творчества и воображения в деятельности экономических агентов, *так и* выискивание возможностей получения прибыли на разнице цен в равной степени явля-

ются составляющими одной и той же концепции «чуткости». Ведь, очевидно, что последний вид деятельности является ответом на существование в экономике нескоординированной информации, в то время как первый подразумевает созидание самого мира. Предприниматель Шумпетера и предприниматель Кирцнера, таким образом, — вовсе не одно и то же лицо.

На самом деле и Кирцнер, и другие теоретики австрийской школы имели веские основания отрицать тезис о том, что частнопредпринимательская рыночная экономика не проявляет никаких закономерностей, что этому хаотичному миру свойственна текучесть и неопределенность и в нем отсутствует стремление к равновесию. Они хотели показать, что наличие тенденции к равновесию — результат действия определенных факторов: выявления относительной редкости различных благ посредством механизма цен и способности индивидов реагировать на возможности получения прибыли, основанные на разнице цен. Даже когда планы и ожидания индивидов нарушаются непредвиденными изменениями внешних условий, информация, содержащаяся в системе цен, ведет к координации человеческой деятельности, которая, однако, вовсе не обязательно предполагает «эффективное» равновесное конечное состояние.

В противоположность этому крайние субъективисты сомневаются в достоверности даже такого умеренного процесса взаимной корректировки индивидуальных планов. Лахманн (Lachmann, 1976) и Шекл (Shackle, 1972) утверждают, что экономический мир — «калейдоскопичен», т. е. существует постоянная перегруппировка элементов экономической системы, которая скорее порождает вечно сменяющиеся и недолговечные паттерны, чем долгосрочную тенденцию к равновесию, представляющую собой более или менее гладкий процесс координации, корректировки индивидуальных действий. Координация — это скорее результат прозорливости, чем действия причинно-следственных закономерностей.

Основой данного подхода является утверждение, что значительная часть экономической жизни связана с ожиданиями, которые являются чисто субъективным явлением. При этом не существует никакого механизма, посредством которого они могли бы быть скоординированы,⁸ подобного системе цен сигнализирующей об относительной редкости товаров и услуг. Крайняя субъективистская точка зрения предполагает, что экономический мир в значительной степени состоит из личных объективно выразимых оценок будущего. Эта бунтар-

⁸ Из этого вовсе не следует, что централизованное управление способно улучшить рынок в этом отношении. Как Лахманн, так и Шекл обращают внимание на общую особенность общественных условий, т. е. на непредсказуемость и неопределенность, особенно проявляющиеся в человеческих поступках.

ская позиция подразумевает, что действия индивидов, даже без влияния внешних факторов, могут порождать некие паттерны или экономические образования, которые хотя и не достигают до соответствия даже минимальным критериям благосостояния, неявно содержащимся в австрийской традиции, тем не менее вряд ли могут быть улучшены благодаря спонтанным действиям. Подобное развитие австрийской традиции чрезвычайно напоминает рассуждения Кейнса в его несколько таинственной двенадцатой главе «Общей теории занятости, процента и денег» (Кейнес, 1936), посвященной субъективизму и ожиданиям.

Утверждение Хайека, что система цен является своеобразным индикатором, который обеспечивает информацией разобщенных агентов, направляя таким образом их действия, кажется не слишком убедительным, если учесть, что экономический мир в значительной мере состоит из мыслей и воображения. Людвиг Лахманн (Lachmann, 1976, 1977), например, охотно использует для своих доказательств непостоянство фондовых рынков (в противоположность относительному спокойствию обычных товарных рынков). По Лахманну, «вездесущность» ожиданий на фондовых рынках приводит к тому, что мы наблюдаем не устойчивый и скоординированный процесс, а ряд переменчивых, сменяющихся каждый день состояний равновесия без всякого признака архимедовой точки опоры. Под влиянием веберовской философии общественных наук Лахманн утверждал, что главная интеллектуальная задача экономической теории заключается в том, чтобы обеспечить понимание этого мира.

Возможно, в более эффективной манере Шекл (Shackle, 1972) доказывал, что в экономике не существует никакой тенденции к равновесию. Поскольку в этом мире нет ничего, кроме ожиданий и воображения, мы можем надеяться лишь на временные случаи координации, не обязанные своим появлением какому-либо экономическому «закону» и лишённые какой-либо сверхзадачи. Координация на самом деле — лишь проявление прозорливости, и хаос (или по меньшей мере возможность крупномасштабной экономической катастрофы) не может быть исключен в этом мире, где каждый индивид — обособленный (и субъективный) творец своего будущего. Эту мысль Шекл выразил знаменитой фразой: «Будущее нельзя предсказать, но его можно вообразить» (Shackle, 1972 : 3).

Философской базой позиции Шекла является разграничение, которое он проводит между *разумом* (*reason*) и *выбором* (*choice*):

Доктрина рационализма включает в себе парадокс. В самом деле, она предполагает веру в то, что поведение может быть понято как часть детерминированного устройства и движения Природы. Поведение может быть интегрировано в существующий миропорядок благодаря тому, что человек совершает наилучший выбор исходя из имеющихся условий. Проблема состоит в том, что рационализм, с одной стороны, наделяет человека свободой выбора,

с другой — претендует на возможность предсказания этого выбора... Для того чтобы обеспечить согласованность отдельных выборов и в то же время сохранить непостижимость будущего, без последнего лучше вовсе обойтись.

(Shackle, 1972 : 239)

Это означает, что если мы хотим достичь рационального и научного объяснения экономического мира, объяснения, возможность которого, безусловно, зависит от существования некоторой упорядоченности или повторяемости явлений, то нам придется отказаться от безусловных суждений по поводу выбора. Ясно, что выбор в значительной степени зависит от непредсказуемых обстоятельств и требует воображения.

Большинство экономистов не готово принять внутренний нигилизм позиции Шекла. В экономической теории имеется несколько положений, которые могут быть охарактеризованы как научные (хотя и менее точные, чем в физике), и несколько более или менее достоверных закономерностей. Можно ли всерьез утверждать, что постоянно наблюдаемые последствия контроля над арендной платой на рынке жилья являются просто случайным и временным феноменом и что их нельзя объяснить как результат действия очевидных общих законов? Конечно, нет.

Если все, что говорит Шекл, — правда, то это приводит к серьезным последствиям для суждений о преимуществе рыночных механизмов, неявно содержащихся в австрийской теории. Вероятно, на его взгляды оказал большое влияние опыт крупномасштабных крушений, произошедших в рыночной экономике XX столетия. Важный вопрос заключается в том, вызваны ли эти феномены эндогенными причинами или они являются производной экзогенных влияний, например неправильного управления денежной сферой или существования государственных ограничений на процессы рыночной координации. Главное утверждение австрийской школы состоит в том, что эти нарушения, свидетелями которых мы стали, всегда вызывались правительственными действиями, причем особое значение имеет государственная монополия на предложение денег.

5.7. Деньги и экономические колебания

Интерес экономистов-профессионалов к австрийской школе был, вероятно, связан с микроэкономическими разработками. Однако именно благодаря этому интересу научная общественность обратилась к другим идеям Мизеса и Хайека, имеющим прямое отношение к проблемам государственной политики, и особенно к спорам по поводу инфляции и безработицы, начавшимся в 1970-е гг. Эти вопросы по своей сути относятся к макроэкономике, однако использование этого терми-

на, вероятно, вызовет некоторое замешательство. Оно связано с тем, что теоретики-австрийцы всегда весьма подозрительно относились к макроэкономике, как кейнсианской, так и монетаристской направленности. Их концепция человеческого действия, их крайний скептицизм по отношению к экономическому значению крупномасштабных агрегатных показателей («бездейственных агрегатов») и их враждебность к статистическому измерению вообще основательно закрепили за ними микроэкономическую нишу. Однако они вовсе не возражают против теорий, рассматривающих экономику как целое, но лишь в той степени, в какой подобные построения логически вытекают из деятельности обособленных индивидов. Их теории денег и торгового цикла основаны именно на этом типе теоретизирования.

Для представителей австрийской школы нарушения функционирования экономики имеют денежный источник: эти нарушения являются скорее результатом воздействия экзогенных факторов, чем порочных процессов, присущих самому обмену.⁹ Однако последствия нарушений, вызванных воздействием денежных факторов, могут быть проанализированы в рамках абсолютно той же концептуальной основы, которая используется в микроэкономике. Так, хотя непредвиденный и *непостоянный* рост объемов кредита вызывает пагубные последствия, они проистекают из типичных особенностей человеческого поведения. Речь идет об ошибке, ведущей к неверным инвестиционным решениям, за которыми следует процесс корректировки посредством регулирующего ценового механизма. Согласно хорошо известному высказыванию, хотя денежные факторы вызывают экономический цикл, реальные факторы образуют *основу* для него (Hayek, 1931 : ch. 1). Австрийская точка зрения состоит в том, что процесс в целом является самоповторяющимся и вовсе не требует активных правительственных мер для своего ускорения.

В «классической» австрийской доктрине, показавшейся столь неуместной при своем появлении во время Великой депрессии 1930-х гг., инфляционные деньги не оказывают на экономику однородного влияния, а изменяют относительные цены: цены повышаются непропорционально. Самое важное из этих неравнозначных ценовых изменений относится к рыночной или денежной ставке процента (при равновесии ставка процента в точности уравнивает спрос и предложение ссудных фондов). Таким образом, долгосрочные инвестиции (т. е. инвестиции, осуществляемые на самых ранних стадиях производства) искусственно делаются более привлекательными. Однако поскольку эти инвестиции не вызваны повышением подлинных сбережений, они заведомо неустойчивы. Поскольку соотношение потребление—сбере-

⁹ См.: Mises, 1966 : ch. 20; Hayek, 1931. Современное изложение австрийской теории денег и деловых циклов см. в работах: O'Driscoll, 1977; Barry, 1979 : ch. 8.

жения остается на том же уровне, что и до денежной инъекции, производственные ресурсы будут направлены на то, чтобы обеспечить потребительский спрос: в результате самые ранние стадии производства останутся без «подпитки» капиталом.¹⁰ Таким образом, несмотря на эти неверно направленные инвестиции, вытекающие из целого набора ошибок, процесс является самокорректирующимся, пусть даже за счет некоторой (временной) безработицы в отдельных секторах экономики.

Очевидно, это не та теория, которая могла бы иметь особую популярность в 1930-е гг., когда наблюдался высокий уровень безработицы во всех секторах экономики. Неудивительно, что существующие в то время условия вызвали к жизни теории, называвшие недостаток эффективного спроса основной причиной депрессии. Даже Хайек не был защищен от этого «поветрия», признавая, что «вторичная депрессия» (на самом деле представляющая собой понижательную спираль) может быть результатом дефляции, сменившей первоначальный чрезмерно оживленный бум. Однако исходная идея теории, состоящая в том, что инфляция обладает реальным влиянием на структуру производства, а не просто повышает уровень цен, до сих пор остается главной и наиболее отличительной особенностью австрийской макроэкономики. Как и в чикагской ортодоксии, деньги здесь также «имеют значение». На самом деле «элементарную» истинность количественной теории денег всегда подчеркивал сам Хайек. Однако деньги в австрийской концепции имеют значение, несколько отличное от значения, приписываемого им монетаризмом: вне состояния равновесия деньги никогда не являются «нейтральными». Именно по этой причине, а также в силу некоторых других соображений государство не должно обладать правом произвольно распоряжаться деньгами (Науек, 1978; Barry, 1981).

5.8. Политическая экономия и государственная политика

На протяжении всего изложения я проводил следующую мысль: хотя теоретики-австрийцы могут справедливо полагать, что их анализ причинных связей, существующих в экономике, относится к науке, «свободной от ценностных суждений», в их учении неявно присутствует вполне определенный взгляд на общественное благосостояние. А именно: беспрепятственный рыночный процесс является наилучшим вариантом использования ресурсов, вариантом, позволяющим

¹⁰ Парадоксально, но во время депрессии представители австрийской школы настаивали на необходимости повышения уровня сбережений и урезания потребления как условий оживления.

удовлетворить *анонимных* членов общества. Это, конечно, утилитаристское суждение, но оно существенно отличается от более известного формального критерия благосостояния, который претендует на сравнение «состояний» в терминах измеримой полезности. Неприятие сравнения и сложения значений индивидуальной полезности, требуемых для сопоставления конечных состояний, всегда было присуще австрийской экономической теории.

Принцип, который австрийские теоретики положили в основу своего основного тезиса в области теории благосостояния, относится к области гносеологии. А именно: не существует никакого центрального наблюдателя, точно знающего, что именно требуется для достижения наиболее эффективного результата. Рынок хорош не потому, что он «эффективен» в каком-либо техническом смысле, а потому, что он координирует человеческие действия с некоторой степенью предсказуемости.

Особенно хорошо это может быть проиллюстрировано на примере австрийской критики социализма. Речь идет о спорах, имевших место в конце 1930-х гг. и проходивших в рамках неоклассической парадигмы (Lavoie, 1985). Сторонники «рыночного социализма» осознали, что общее равновесие — вполне эгалитарная форма экономического устройства. В самом деле, каждый фактор в этом случае оплачивается согласно его предельному продукту, цены способствуют расчистке всех рынков, не существует никакой сверхприбыли или предпринимательской прибыли, отсутствуют монополии или иные формы несовершенного рынка и, кроме того, набор продуктов и услуг точно отражает нужды потребителей. Реально существующим капиталистическим рынкам было свойственно не просто неравенство в обладании ресурсами, а бесчисленное множество несовершенств, включающее монополистическую «ренду», избыточную «прибыль» и другие несовершенства, формирующие систему, основанную на рыночной мощи, а не на свободном обмене.

Первоначальное возражение Мизеса (Mises, 1935) против социализма (в его знаменитом очерке 1920 г.) заключалось в том, что при отсутствии рынка невозможно произвести «расчет» (т. е. решить систему уравнений), требуемый для обеспечения эффективной аллокации ресурсов. На деле «социалисты-рыночники», особенно Ланге, допускали возможность того, что рынок является эффективным орудием для решения различных проблем, и в своих первоначальных моделях они «отдавали» потребление и выбор рода занятий во власть рынка. Однако они заменяли предпринимателя государственным управляющим (получающим оклад) и устанавливали централизованные производственные нормы, заменяющие решения частных инвесторов (в построениях этих экономистов отсутствовали рынки капиталов). В более поздних моделях предполагалось, что высокоскоростные компьютеры могут производить все необходимые вычисления, так

что государство могло бы воспроизвести результат действия рыночных механизмов и при этом избежать каких-либо проявлений неэффективности и неприемлемого неравенства, присущих реально существующему рынку.

Хайковские возражения против социализма всегда несколько отличались от соображений Мизеса по этому поводу (Науек, 1948 : chs. VII, VIII и X). Для Хайека проблема заключалась не только в возможностях расчета. Он допускал, что в совершенном мире государство могло бы воспроизвести состояние рыночного равновесия. Однако здесь возникает проблема *природы* экономического знания как такового. Эксплуатация природных ресурсов, направленная на максимальное использование имеющихся возможностей, требует субъективных суждений и способности к открытиям новых возможностей. Но индивидуальное знание, которое выявляется в этой деятельности, не может быть преобразовано в форму, пригодную для расчетов. Это возможно только при условии бесконечной повторяемости необходимых для расчетов данных, что, очевидно, нереально в человеческих сообществах. Если предприниматели (в самом широком смысле этого слова) являются носителями подобного неявного знания, то «чрезмерная» прибыль, получаемая ими, является просто ценой, которую мы платим за их общественно-необходимую деятельность. Проблемы рыночного социализма с очевидностью проявляются, когда речь идет об инвестициях. Отсутствие рынка капиталов означает, что суждения («субъективные») о перспективности альтернативных проектов неизбежно высказываются политическими агентами, которые в обычных условиях не являются объектами корректирующих механизмов децентрализованного рынка.

Если рынок предполагает постоянный процесс самокорректировки, приспособления к имеющимся условиям и открытия новых возможностей, то ему всегда будут свойственны определенные особенности, которые сомнительно выглядят в свете чистой теории равновесия. Исследователи, не принадлежащие к социалистическому лагерю, например, могут заявить, что неэффективность монополии может быть скорректирована без внесения каких-либо дополнительных социалистических элементов в рыночную систему. Но даже здесь австрийские теоретики, скорее всего, выдвинули возражение, основанное все на той же гносеологической основе. Если монополист назначает цену на свой продукт, очевидно, превышающую равновесную, и тем самым наносит убыток общему благосостоянию, то, каким же образом тогда можно выявить эту самую равновесную цену? В самом деле, перспектива значительной прибыли, вероятно, единственный способ побудить частных лиц ввязаться в рискованную деятельность (Littlechild, 1981). Более того, пока доступ на конкретный рынок остается открытым, возможности монополиста, действующего на этом рынке, останутся в рамках определенных ограничений. Эти вопросы не относятся к разряду грубых эмпи-

рических задач, связанных с исчислением потерь благосостояния, и т. д. Они предполагают понимание (*Verstehen*) того, каким образом работают различные экономические системы.

5.9. Австрийская экономическая школа и ее перспективы

В сегодняшних дебатах по поводу государственной политики теоретики-«австрийцы», разумеется, заняты вопросами денег и инфляции. И действительно, они выдвинули несколько радикальных предложений по установлению здоровой валюты (*sine qua non* [необходимого условия — *лат.*] рыночной системы). Что же касается теоретической области, то, вероятно, дальнейшие работы будут посвящены развитию субъективного метода, теории предпринимательства, особенно теории фирмы и роли предпринимателя в ней (см. Ricketts, 1987), а также созданию жизнеспособной методологической альтернативы позитивизму. Вероятно, наиболее важной задачей является формулировка теории прав собственности в области внешних эффектов. Необходимость этого становится еще более очевидной, если учесть, что вопросы окружающей среды, вероятно, предоставят новые возможности для использования «объективистских» решений экономических проблем. Фактически наибольший вклад в теорию прав собственности и внешних эффектов внесли экономисты, далеко не всегда связанные с австрийской школой.

Хотя доводы против инфляции, кейнсианства и государственного планирования, которыми так славилось это течение экономической мысли на протяжении всего XX столетия, теперь кажутся несколько старомодными, современная программа исследований, заявленная австрийской школой, весьма успешно проявляет себя в областях, ранее считавшихся исключительно вотчиной неоклассической ортодоксии. Соперничество между двумя альтернативными конкурирующими теориями, являющееся особенностью современных экономических исследований, ведет к тому, что ни один подход, вероятно, не будет иметь монополии на истину.

Литература

- Barry N. P. Hayek's Social and Economic Philosophy. London : Macmillan, 1979.
Barry N. P. Austrian economists on money and society // National Westminster Bank Quarterly Review. 1981. P. 20–31.
Barry N. P. The Invisible Hand in Economics and Politics. London : Institute of Economic Affairs, 1988.

- Blaug M.* The Methodology of Economics. Cambridge : Cambridge University Press, 1980.
- Böhm-Bawerk E.* Capital and Interest, transl. G. Muncke and H. Sennholz. South Holland, IL: Libertarian Press (originally published in three volumes between 1909 and 1914), 1959.
- Böhm-Bawerk E.* Control or economic law / In Shorter Classics of Eugen Böhm-Bawerk. South Holland, IL : Libertarian Press, 1962.
- Böhm-Bawerk E.* Karl Marx and the Close of His System /ed. Paul Sweezy. London : Merlin Press (first published 1896), 1975.
- Dolan E. G.* (ed.). The Foundations of Austrian Economics. Kansas City, KS : Sheed & Ward, 1976.
- Friedman M.* Essays in Positive Economics. Chicago, IL : University of Chicago Press, 1953.
- Hahn F. H.* The winter of our discontent // *Economica*. 1973. Vol. 40. P. 322–330.
- Hayek F. A., von.* Prices and Production. London : Routledge, 1931.
- Hayek F. A., von* (ed.). Collectivist Economic Planning. London : Routledge, 1935.
- Hayek F. A., von.* Economics and knowledge // *Economica*. 1937. Vol. 4. P. 33–54. Reprinted in von Hayek, F. A. Individualism and Economic Order, London: Routledge, 1948.
- Hayek F. A., von.* The Pure Theory of Capital. London : Routledge, 1941.
- Hayek F. A., von.* Individualism and Economic Order. London : Routledge, 1948 / *Хайек Ф., фон.* Индивидуализм и экономический порядок.
- Hayek F. A., von.* The Counter-Revolution of Science. Glencoe, IL : The Free Press, 1955.
- Hayek F. A., von.* Studies in Philosophy. Politics and Economics. 1967. London : Routledge.
- Hayek F. A., von.* Full Employment at Any Price? London : Institute of Economic Affairs. 1975.
- Hayek F. A., von.* The Denationalisation of Money. London : Institute of Economic Affairs (1st edn 1976), 1978.
- High J.* Alertness and judgement: comment on Kirzner / In I. Kirzner (ed.). Method, Process and Austrian Economics. Lexington, MA: D. C. Heath, 1982. P. 161–168.
- Keynes J. M.* The General Theory of Employment, Interest, and Money. London : Macmillan, 1936.
- Kirzner I.* Competition and Entrepreneurship. Chicago, IL : University of Chicago Press, 1973.
- Kirzner I.* Perception, Opportunity and Profit. Chicago, IL : University of Chicago Press, 1979.
- Kirzner I.* Another look at the subjectivism of costs / In I. Kirzner (ed.). Subjectivism. Intelligibility and Economic Understanding. New York : New York University Press, 1986.
- Kirzner I.* Discovery, Capitalism and Distributive Justice. Oxford : Basil Blackwell, 1989.
- Lachmann L.* From Mises to Shackle: an essay on Austrian economics and the kaleidic society // *Journal of Economic Literature*. 1976. Vol. 14. P. 54–62.

- Lachmann L.* Capital, Expectations and the Market Process. Kansas City, KS : Sheed, Andrews & McMeel, 1977.
- Lange O.* On the economic theory of socialism / In B. Lippincott (ed.). The Economic Theory of Socialism. New York : McGraw-Hill (first published 1938), 1964. P. 57–142.
- Lange O.* The computer and the market / In C. H. Feinstein (ed.). Socialism, Capitalism and Economic Growth. Cambridge : Cambridge University Press, 1967.
- Lavoie D.* Rivalry and Central Planning. Cambridge : Cambridge University Press, 1985.
- Littlechild S. C.* Misleading calculations of the social cost of monopoly power // Economic Journal. 1981. Vol. 91. P. 348–363.
- Littlechild S. C.* Equilibrium and the market process / In I. Kirzner (ed.). Method, Process and Austrian Economics. Lexington, MA : D. C. Heath, 1982. P. 85–102.
- Littlechild S. C.* The Fallacy of the Mixed Economy / 2nd edn. London : Institute of Economic Affairs (1st edn 1976), 1986.
- Menger C.* The Foundations of Economics, transl. J. Dingwell and B. Hoselitz. Glencoe, IL: The Free Press (first published 1871), 1950.
- Menger C.* Problems of Economics and Sociology, transl. F. J. Nock. Urbana, IL : University of Illinois Press (first published 1883), 1963.
- Mises L., von.* Economic calculation in the socialist commonwealth / In von Hayek, F. A. (ed.). Collectivist Economic Planning. London : Routledge, 1935. P. 87–130.
- Mises L., von.* The Ultimate Foundation of Economic Science. Princeton, NJ : Van Nostrand, 1962.
- Mises L., von.* Human Action / 3rd edn. Chicago, IL : Henry Regnery (first published 1949), 1966.
- Reekie D.* Markets, Entrepreneurs and Liberty. Brighton : Harvester Wheatsheaf, 1984.
- Ricketts M.* The Economics of Business Enterprise. Brighton : Harvester Wheat-sheaf, 1987.
- Robbins L. C.* The Nature and Significance of Economic Science / 2nd edn. London : Macmillan (1st edn 1931), 1935.
- Rothbard M. N.* Man, Economy and State. New York : Van Nostrand, 1962.
- Schumpeter J. S.* Business Cycles. New York : Harrap, 1939.
- Shackle G. L. S.* Epistemics and Economics. Cambridge : Cambridge University Press, 1972.
- Shand A.* The Capitalist Alternative: An Austrian View of Capitalism. Brighton : Harvester Wheatsheaf, 1984.
- Spadaro L. M.* (ed.) New Directions in Austrian Economics. Kansas City : KS. Sheed, Andrews & McMeel, 1978.
- Walras L.* Elements of Pure Economics, transl. W. Jaffé. London : Allen & Unwin (first published 1874), 1954.
- Wieser F., von.* Natural Value, transl. C. A. Malloch. London : Macmillan (first published 1889), 1893.